

Иногда с удивлением спрашивают: а что, Достоевский и Толстой не были знакомы? Как? Почему? Ведь они жили в одно время и принадлежали примерно к одному поколению — Достоевский родился в 1821 году, а Толстой в 1828-м. У них был общий товарищ — Н. Н. Страхов, критик и философ. Был общий, скажем так, литературный оппонент и конкурент, отношения с которым у обоих сразу не сложились — И. С. Тургенев. Оба, хотя и в разное время, «окормлялись» возле издателя «Современника» Н. А. Некрасова.

Ну и, наконец, это было бы просто логично — познакомиться двум величайшим прозаикам мира, раз уж довелось им родиться в одной стране и в одно время. Правда, Толстой жил под Тулой, а Достоевский — в Петербурге и за границей. Но Толстой бывал в Петербурге по делам, а в Ясную Поляну к нему приезжали писатели и рангом помельче, и всех он охотно принимал. Неужели тому же Н. Н. Страхову не пришло в голову свести вместе двух наших равноапостольных гениев, Петра и Павла русской прозы? Неужели им самим ни разу не приходило в голову, что надо бы встретиться и поговорить? Тем более что оба читали и ценили друг друга. Красивая была бы встреча!

Нет, им не удалось познакомиться. Хотя такая возможность была и даже дважды... 10 марта 1878 года, находясь в Петербурге, где он заключал купчую крепость на покупку у барона Бистрома самарской земли, Толстой посетил публичную лекцию 24-летнего входящего в моду философа, магистра Петербургского университета Владимира Соловьева, будущего «отца» русского символизма. На этой лекции были Страхов и Достоевский. Казалось, всё говорило за то, чтобы близко знакомый и с Толстым, и с Достоевским Страхов познакомил двух главных прозаиков современности, которые давно желали встретиться друг с другом. Но Страхов этого не сделал. В воспоминаниях вдовы Достоевского Анны Григорьевны это объясняется тем, что Толстой просил Страхова ни с кем его не знакомить. И это очень похоже на поведение Толстого в ненавистном ему Петербурге, где он чувствовал себя совершенно чужим.

Интересной была реакция Достоевского на так называемый «духовный переворот» Толстого. Она интересна ещё и тем, что очень точно отражает мнение литературных кругов вообще на то, что происходило с Толстым в начале 80-х годов. В мае 1880 года во время торжественного открытия памятника Пушкину в Москве, когда Достоевский произносил свою знаменитую «пушкинскую» речь, среди собравшихся писателей Толстого не было. Зато циркулировал слух, что Толстой в Ясной Поляне... сошёл с ума. 27 мая 1880 года Достоевский писал жене: «Сегодня Григорович сообщил, что Тургенев, воротившийся от Льва Толстого, болен, а Толстой почти с ума сошёл и даже, может быть, совсем сошёл». Это означает, что, возможно, слух

о «сумасшествии» Толстого пустил в Москве именно Тургенев. Перед этим он посетил Толстого в Ясной Поляне, они помирились, и Толстой рассказал ему о своих новых взглядах. Но насколько же легко принял брата-писатели этот слух, если уже на следующий день в письме к жене Достоевский сообщает: «О Льве Толстом и Катков подтвердил, что, слышно, он совсем помешался. Юрьев (Сергей Андреевич Юрьев — писатель и переводчик, председатель Общества любителей российской словесности, знакомый Толстого — П.Б.) подбивал меня съездить к нему в Ясную Поляну: всего туда, там и обратно менее двух суток. Но я не поеду, хотя очень бы любопытно было».

То есть Достоевский, смущённый слухами о «сумасшествии» Толстого, решил не рисковать. Таким образом, ещё одна возможность знакомства двух писателей была потеряна... едва ли не из-за обычного писательского злословия.

Но у Толстого с Достоевским был и ещё один общий знакомый — графиня А. А. Толстая, тётка Льва Николаевича и его духовный корреспондент. Зимой 1881 года, незадолго до кончины Достоевского, она близко сошлась с ним. «Он любит вас, — писала она Толстому, — много расспрашивал меня, много слышал об вашем настоящем направлении и, наконец, спросил меня, нет ли у меня чего-либо писанного, где бы он мог лучше ознакомиться с этим направлением, которое его чрезвычайно интересует». Alexandrine, как называли её в светских кругах, дала Достоевскому прочесть письма к ней Толстого февраля 1880 года, написанные в то время, когда Толстой, по общему мнению, «сошёл с ума». В «Воспоминаниях» она писала: «Вижу ещё теперь перед собой Достоевского, как он хватался за голову и отчаянным голосом повторял: «Не то, не то!..» Он не сочувствовал ни единой мысли Льва Николаевича...»

Такова была реакция Достоевского на духовный кризис Толстого.

Совсем другой был отклик Толстого на смерть Достоевского.

5 февраля 1881 года (Достоевский умер 28 января старого стиля) Толстой писал Страхову в ответ на его письмо: «Я никогда не видал этого человека и никогда не имел прямых отношений с ним, и вдруг, когда он умер, я понял, что он был самый близкий, дорогой, нужный мне человек... И никогда мне в голову не приходило меряться с ним — никогда. Всё, что он делал (хорошее, настоящее, что он делал), было такое, что чем больше он сделает, тем мне лучше. Искусство вызывает во мне зависть, ум тоже, но дело сердца только радость. — Я его так и считал своим другом, и иначе не думал, как то, что мы увидимся, и что теперь только не пришлось, но что это моё. И вдруг за обедом — я один обедал, опоздал — читаю умер. Опора какая-то отскочила от меня. Я растерялся, а потом стало ясно, как он мне был дорог, и я плакал, и теперь плачу».

За два дня до этого Страхов писал Толстому: «Он один равнялся (по влиянию на читателей) нескольким журналам. Он стоял особняком среди литературы, почти сплошь враждебной, и смело говорил о том, что давно было признано за «соблазн и безумие»...»

Но что было «соблазном и безумием» с точки зрения литературной среды того времени? А вот как раз проповедь христианства как последней истины.

На этом, по мнению писателей, помешался перед смертью Гоголь, это было пунктом «безумия» Достоевского и от этого же самого «сошёл с ума» Толстой. И Толстой, не медля, принимает эстафету «безумия». Случайно или нет, но именно после смерти Достоевского с маленького рассказа «Чем люди живы», написанного в 1881 году, начинается «поздний» Толстой, взгляды которого на жизнь, на религию, на искусство совершенно противоположны тем, которые приняты в «нормальном» обществе и которые сам же Толстой недавно принимал...

